

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 802/809.1-52+811.112.2

Р.А. Газизов

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ УГРОЗАХ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Представлено комплексное описание способов реализации коммуникативных угроз при коммуникативном взаимодействии адресата и адресанта. При этом выявлены сходства и различия в использовании речевых и неречевых актов, игнорирующих потребности позитивного и негативного лица адресата vs. адресанта в коммуникативном поведении русской и немецкой лингвокультурных общностей.

Ключевые слова: коммуникативная угроза; акт, угрожающий лицу; адресат; адресант.

Речевое общение как один из важнейших видов человеческой деятельности стало предметом пристального изучения ученых лишь во второй половине XX в. Появление многих теорий и концепций коммуникативного взаимодействия общающихся (ср. модели коммуникативного акта Р. Якобсона, Д.Х. Хаймса, Н. Дитмара, Г. Штегера, теория речевой деятельности А.А. Леонтьева, теория речевых актов Дж. Остина, теория коммуникативного поведения И.А. Стернина и др.) связано с развитием коммуникативно-функционального направления в исследовании языка. При этом речевые аспекты языка попали в поле зрения представителей различных наук: лингвистики, коммуникативной лингвистики, прагматики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и др.

Одним из объектов исследования языка в его речевом воплощении послужила категория вежливости, которая позволила раскрыть механизм человеческих взаимоотношений и объяснить способы достижения коммуникативных целей в речевом общении людей.

Среди разнообразных теорий вежливости следует выделить классическую теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона [1], согласно которой в речевом общении коммуниканты прибегают к определенным стратегиям вежливости в целях сохранения как позитивного, так и негативного лица. Свою теорию авторы назвали теорией сохранения лица, поскольку лицо в их концепции является центральным понятием, под которым ученые понимают «своеобразный социальный имидж, в сохранении которого заинтересован каждый член общества» [1. С. 61].

На основании классификации понятия *лица* П. Браун и С. Левинсон различают два типа вежливости: *позитивную* (positive politeness, positive Höflichkeit) и *негативную* (negative politeness, negative Höflichkeit). Р. Ратмайр предлагает использовать в целях прозрачности и ясности терминов следующие переводы понятий «позитивная/негативная вежливость»: *солидарная* (Solidaritätshöflichkeit) – для позитивной вежливости и *дистанционная* (Distanzhöflichkeit) – для негативной вежливости [2]. Т.В. Ларина считает целесообразным оперировать терминами *вежливость сближения*, или *вежливость контакта*, вместо позитивной вежливости и *вежливость отдаления*, или *вежливость дистанции*, вместо негативной вежливости [3]. Несмотря на то что «термины *негативный/позитивный* в применении к понятию *вежливость* не являются удачными» [4. С. 272], следует признать, что значи-

мость введенного П. Браун и С. Левинсоном разграничения понятия «вежливость» на два типа беспорна.

Каждый из этих типов вежливости представляет собой определенную систему коммуникативных стратегий, при помощи которых коммуниканты стремятся достичь основных целей вежливого обхождения друг с другом. Если стратегии позитивной вежливости связаны с демонстрацией единства и солидарности говорящего со слушающим, с проявлением внимания и интереса к собеседнику, со стремлением к взаимопониманию и согласию с ним, с созданием атмосферы внутригрупповой идентичности, то стратегии негативной вежливости реализуются с целью предоставления свободы действий адресату, удовлетворения его потребности в неприкосновенности личной территории.

В своей работе [5] мы проанализировали наиболее частотные способы реализации стратегий позитивной и негативной вежливости в русском и немецком языках и пришли к выводу, что набор используемых стратегий вежливости в коммуникативном поведении русских и немцев в целом совпадает. Однако различия обнаруживаются в частотности употребления тех или иных коммуникативных стратегий, а также в способах их реализации.

Как известно, основное назначение стратегий позитивной и негативной вежливости заключается в смягчении или избегании актов, наносящих урон как позитивному, так и негативному лицу адресата и адресанта.

В связи с этим целесообразным, на наш взгляд, представляется также изучение способов реализации коммуникативных угроз в речевом общении русских и немцев, поэтому объектом настоящего культурно-составительского исследования послужили речевые и неречевые акты, которые представляют собой коммуникативные угрозы в речевом общении коммуникантов и изначально являются повреждающими лицо как адресата, так и адресанта. В концепции П. Браун и С. Левинсона такие акты названы *face threatening acts* (ср. в нем. *gesichtsbedrohende Sprechakte*).

Цель исследования состоит в установлении сходств и различий в использовании речевых и неречевых актов, игнорирующих потребности позитивного и негативного лица адресата vs. адресанта и создающих угрозу наступления коммуникативных неудач в коммуникативном поведении русской и немецкой лингвокультурных общностей.

Среди многочисленных актов, реализующих коммуникативные угрозы в речевом общении, следует выделить как речевые, так и неречевые акты, например, прямые директивные высказывания, замечания, обвинения, оскорбления, выражение сильных эмоций и др. Причем адресат подвержен причинению урона своему позитивному и негативному лицу в большей степени, в отличие от адресанта.

Так, к актам, угрожающим позитивному лицу адресата, можно отнести: выражение негативной оценки в виде неодобрения, критики, несогласия, жалоб, замечаний, обвинений, оскорблений, насмешек, разговор на запретные темы, затрагивание спорных тем, потенциально вызывающих разногласия, проявление невнимания, прерывание речи партнера, употребление неуместных обращений и др.

Акты, угрожающие позитивному лицу адресанта, включают: принесение извинений, принятие комплиментов, признание вины, бесконтрольный смех, проявление сильных эмоций.

Негативное лицо адресата может быть повреждено за счет таких актов, как ограничение свободы действий в виде запретов, приказов, прямых просьб, предложений, советов, напоминания, угроз, выражения зависти, ненависти, гнева и др.

Наконец, негативное лицо адресанта подвергается угрозам при выражении последним благодарности, а также принятии им благодарности или извинения со стороны адресата, при оправданиях, неохотных обещаниях и вынужденных предложениях.

Если позитивное лицо человека ассоциируется с желанием быть уважаемым и получать одобрение и симпатию со стороны партнера по коммуникации, то речевые и неречевые акты, выражающие негативную оценку, будут наносить урон позитивному лицу адресата. Несмотря на то, что любые критические замечания представляют собой коммуникативные угрозы разной степени, речевые акты оскорбления (1), замечания (2) в своей семантической структуре имеют общий компонент «выражение критики»:

(1) *«Sie haben Geld genommen.»*

«Damit hat es nichts zu tun. Sie müssen mich nicht beleidigen» [6. С. 164].

– Но, так или иначе, вы брали деньги.

– Это еще ничего не доказывает. Вы не в праве меня оскорблять [7. С. 170].

(2) *«Du rauchst zuviel!» sagte ich. «Als ich in deinem Alter war –»* [8. С. 115].

– Ты слишком много куришь, – сказал я. – Когда я был в твоём возрасте... [9. С. 115].

Ущерб позитивному лицу адресата наносится также при затрагивании запретных тем (3) или при постановке нескромных вопросов, касающихся национальности, возраста, зарплаты, религиозных взглядов, а также личной жизни человека. На наш взгляд, данный вид коммуникативной угрозы, т.е. разговор на запретные и спорные темы, угрожает также негативному лицу адресата, т.к. в этом случае нарушается неприкосновенность его личной территории:

(3) *«Er hat gesagt, dass zwischen Ihnen...» «Hörn Sie...» «Nichts mehr lief.»...*

«Ich will – das alles nicht mehr. Ich habe nie über so etwas gesprochen. Mit niemandem. Das geht doch keinen was an. Sie sind anmaßend» [6. С. 160].

– Он говорил, что между вами...

– Послушайте...

– Уже не было физической близости...

– Я не хочу больше это слушать. Я никогда в жизни не говорила о таких вещах. Ни с кем. Это никого кроме меня не касается. Вы очень самонадеянны [7. С. 166].

Реализация вышеупомянутой коммуникативной угрозы наиболее частотна в речевом общении русской лингвокультурной общности, поскольку русские считают общительным народом. Любовь к общению проявляется через допустимость обсуждения в коллективе интимной жизни человека, а также возможность говорить практически на любые темы. Как справедливо отмечает А.В. Павловская, «...общение человека с человеком в России, даже на деловом уровне, всегда очень личное. Расспросы, касающиеся личных дел, чувств, состояния души столь же обычны, сколь и рассказы о себе» [10. С. 20].

Употребление неуместных обращений (4) граничит с выражением оскорблений (5) в адрес адресата и тем самым угрожает его позитивному лицу:

(4) *Lenz brach in ein Gelächter aus. «Aber Baby! Das Ganze ist doch Schwindel»* [11. С. 66].

Ленц расхохотался.

– Дочка моя! Ну как же при этом не завираться. [12. С. 56].

(5) *«Du Idiot», rief Edgar... «Du Vollidiot!»... «Du bist wirklich ein Vollidiot!» sagte Edgar und tippte sich an die Stirn* [6. С. 261].

– Ты идиот! – крикнул Эдгар... – Полный идиот!...

– Ты действительно полный идиот! – сказал Эдгар и постучал себя по лбу [7. С. 274].

Среди неречевых актов, угрожающих позитивному лицу адресата, можно выделить, прежде всего, проявление невнимания и прерывание речи партнера по коммуникации (6):

(6) *«Hanni», sage ich, «die Hälfte höchstens.» «Nein», sagt sie scharf. «Nicht für uns»* [6. С. 85].

– Ханни, – говорю я, – в худшем случае – половина.

– Нет, – резко обрывает она меня. – Эти сказочки не для нас [7. С. 89].

Позитивное лицо адресанта подвергается коммуникативной угрозе, если говорящий извиняется, принимает комплименты, признает свою вину, проявляет сильные эмоции, такие как гнев, зависть, ненависть, негодование, или бесконтрольно начинает смеяться.

Наиболее частотным речевым актом, угрожающим позитивному лицу адресанта, является извинение (7):

(7) *«Entschuldigen Sie bitte!» sagte ich schließlich* [11. С. 30].

«Вы нас, пожалуйста, простите!», – сказал я наконец [12. С. 16].

Согласно теории сохранения лица, речевые акты извинения, реализуемые адресантом, подрывают его имидж и укрепляют имидж адресата, т.е. извинение наносит ущерб авторитету говорящего, тогда как авторитет адресата от извинения выигрывает. Р. Ратмайр считает данное утверждение справедливым в том случае, если извиняющийся просит прощения за серьезный проступок. В случае же извинения за пустяковую оплошность, по мнению Р. Ратмайр, адресант, напротив, укрепляет свой положительный имидж. Извиняю-

щийся за незначительные проступки поступает как вежливый человек [13. С. 22–23].

В связи с тем что речевые акты извинения более распространены в немецкой культуре в силу их большей клишированности и сильной ритуализованности, можно сделать вывод о том, что позитивному лицу адресанта в немецкой лингвокультурной общности наносится чаще урон, нежели в русской культуре.

Проявление негативных эмоций, представляющих собой переживание того или иного чувства, например гнева, зависти, ненависти, отвращения, негодования, антипатии, осуждения, в определенный момент и в конкретной ситуации реализует речевые и неречевые акты, угрожающие позитивному лицу адресанта. Причем эмоции могут выражаться: 1) при помощи перформативных глаголов, например: *завидовать* (8), *ненавидеть*, *осуждать* и т.д.; 2) посредством междометных высказываний и 3) контекстуально (9):

(8) «*Ich beneide Sie um Ihre Arbeit, beginnt er* [6. С. 34].

– Я завидую вам из-за вашей работы, – начинает он [7. С. 33].

(9) «*Wie gerne möchte auch ich einmal eine Tat, eine einzige Tat, wie jene Tat, die du eben vollbrachtest, ganz alleine vollbringen und so in die Zeitung kommen, mit Druckbuchstaben gedruckt werden: Das tat Gottfried von Vittlar!*» [14. С. 691–692].

– Как я хотел бы хоть раз совершить поступок, единственный в своем роде, такой, который только что совершил ты, причем совсем один, совершить и попасть в газеты, чтоб там большими буквами пропечатали: это сделал Готфрид фон Витлар! [15. С. 630].

Следует отметить, что проявление отрицательных эмоций, т.е. выражение гнева, зависти, ненависти, угрожает также негативному лицу адресата, поскольку адресант покушается на его личную территорию. Согласно теории сохранения лица, понятие «территория» обозначает личное пространство и время человека, а также его информационное или когнитивное пространство, т.е. совокупность мыслей, чувств, знаний.

Если проанализировать способы реализации коммуникативных угроз, наносящих урон негативному лицу адресата в речевом общении русской и немецкой лингвокультурных общностей, можно выявить большие различия. Речевые акты, которые, по П. Браун и С. Левинсону, пренебрегают потребностями адресата или говорящего к неприкосновенной территории, воспринимаются в русской культуре менее угрожающе.

Русские любят изливать свою душу, жаловаться. Для немецкой культуры это недопустимо. Немцы, в отличие от русских, гораздо больше заботятся о защите своей территории. Причем для них также важна неприкосновенность личной территории собеседника, поэтому в речевом общении немцев речевые и неречевые акты, угрожающие негативному лицу адресата, используются не так часто, как у русских. В связи с этим в немецкой культуре отмечается широкое употребление стратегий негативной вежливости, направленных на смягчение или избегание актов, пренебрегающих потребностями негативного лица (ср. многочисленные способы конвенционального косвенного выражения, частотное употребление формул извинения и благодарности и т.д.).

Несмотря на то что немецкая культура больше тяготеет к негативной вежливости, а русская культура – к позитивной, все же употребления прямых директивных высказываний в обеих анализируемых культурах не избежать. Любое коммуникативное взаимодействие немислимо без обращения к просьбам, советам, предложениям, требованиям и т.д. Различия касаются частоты использования тех или иных речевых актов, иллюкативная сила которых в разной степени наносит урон негативному лицу адресата. Так, прямые просьбы, советы, предложения пренебрегают потребностями негативного лица адресата в меньшей степени, нежели запреты, приказы, требования.

Прямые просьбы, используемые чаще в русском коммуникативном поведении, выражаются при помощи повелительного наклонения без обращения к модальным глаголам в сослагательном наклонении, ср. примеры (10) и (11):

(10) *Wieder kam ein Taxi, und diesmal sagte ich es ihr. «Leg schnell auf!»* [6. С. 43].

Снова подъехало такси, и на сей раз я ей об этом сказал.

– Тогда быстро клади трубку! [7. С. 44].

(11) «*Tür zu, es zieht!*» *protestierte er* [14. С. 280].

– Закройте двери, дуем! – возмутился Ян [15. С. 268].

В русском языке распространены также усиленные, настойчивые просьбы, образованные посредством некоторых «степенных определителей», например *настоятельно* (12), *убедительно*, *покорнейше*:

(12) «*Nein, entschied Unrat, «das geht auf keinen Fall. Wir brauchen die Jungfrau. Und zwar käme es – aufgemerkt nun also –»... «– ganz besonders auf die Darstellerin der Johanna an...»* [16. С. 35].

– Нет, – отрезал Гнус. – С Теллем ничего не выйдет. Нам нужна Дева. И к тому же, – настоятельно прошу вас обратить внимание... – чрезвычайно существенно, кто будет исполнять роль Иоанны... [17. С. 47].

Причем настоятельная просьба в русском коммуникативном поведении часто выражается эксплицитно при помощи перформативного глагола *просить* (13) (ср. также приведенный выше пример (12)):

(13) *Unrat eilte herbei, mit ausgestreckten Armen; er bat, mit dem Ausdruck der Not:*

«*Lieber Mann, so holen Sie mir doch den Schüler heraus!*» [16. С. 58].

Гнус побежал за ним, простирая руки, и с отчаянием взмолился:

– Очень вас прошу, любезнейший, приведите мне гимназиста! [17. С. 62–63].

Прямые советы реализуются посредством перформативного глагола *советовать* в русском языке и *raten* в немецком (14), а также модального глагола *sollen*, используемого в сослагательном наклонении, в немецком языке (15), ср.:

(14) «*Ich rate Ihnen wirklich», sagte ich, «essen Sie keinen Fisch, mein Herr, unter keinen Umständen –»* [8. С. 17].

– В самом деле, я вам советую, – сказал я, – не ешьте там рыбы, ни при каких обстоятельствах не ешьте [9. С. 17].

(15) «*Sie sollten sich das wirklich noch einmal überlegen, Herr Matzerath. Das Kind muss von der Straße fort*» [14. С. 458].

– Советуем вам еще раз все взвесить, господин Мацерат. Ребенка необходимо забрать с улицы [15. С. 422].

Нередко советы могут выражаться в повелительном наклонении (см. пример (14), что, по мнению А. Вежбицка, представляет собой парадоксальный факт: «советуя кому-то сделать что-то, мы не говорим ему, что мы хотим, чтобы он это сделал, мы, тем не менее, употребляем (или можем употребить) повелительную форму» [18. С. 268].

В немецком языке модальный глагол *sollen*, использованный в сослагательном наклонении (см. пример (15), смягчает иллокутивную силу речевого акта совета, поэтому негативное лицо адресата в немецкой культуре в данном случае не подвергается коммуникативной угрозе.

Напротив, в советах с модальным глаголом *müssen* (см. также пример (15) в немецком языке и с глаголом *долженствовать* в русском языке в наибольшей степени выражается настойчивость и категоричность, поэтому подобные импозитивы пренебрегают потребностями негативного лица адресата в обеих культурах.

Тем не менее русские в общении охотно высказывают свое мнение по тому или иному вопросу, любят давать всевозможные советы и рекомендации как знакомым, так и незнакомым людям, поэтому советы чаще всего выражаются в прямой форме. Немцы, в свою очередь, предпочитают давать советы в косвенной форме и только исключительно знакомым и родным.

Речевые акты требования, приказа или запрета, как было отмечено ранее, угрожают негативному лицу адресата в большей степени, т.к. адресант не предоставляет свободу действия адресату, т.е. не оставляет ему возможность выбора реакции. Данные речевые акты в своей семантической структуре содержат нечто категорическое и не допускающее отказа. Так, по мнению Ю.Д. Апресяна, «существенная особенность требования <...> состоит в том, что говорящий убежден (в действительности или притворно), что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что он, говорящий, хочет от него» (цит. по: [18. С. 264]).

А. Вежбицка, проанализировав различие между приказом и просьбой, пришла к выводу, что данное различие состоит в следующих исходных предположениях: «приказ содержит в глубинной структуре предположение, что адресат должен делать то, что хочет от него говорящий; просьба содержит в глубинной структуре предположение, что адресат может сделать, а может и не сделать то, чего хочет от него говорящий» [18. С. 257].

Если требования и запреты распространены в бытовой и деловой сферах, то приказы, как правило, – в военной. При этом требования могут выражаться при помощи перформативного глагола (16) или с использованием повелительного наклонения (17), а запреты – посредством отрицательных слов (18), ср.:

(16) *Mitten im Kauen... stellte er sich vor: «Damit ihr Bescheid wisst, ich bin der neue Sägemeister, heiße Dückerhoff, bei mir herrscht Ordnung!»* [14. С. 24].

He переставая жевать... он представился:

– *Чтобы вы знали: я новый хозяин, звать меня Дюккерхоф, и я требую от всех порядка!* [15. С. 45].

(17) *«Hören Sie», sagte er. «Sie haben bezahlt. Sie sollen jetzt aussteigen»* [6. С. 48].

– *Послушайте, – сказал он, – вы уже расплатились. Ну так вылезайте* [7. С. 49].

(18) *«Das geht nicht, mein Herr!» sagte der Kellner. «Um diese Zeit können keine Plätze reserviert werden»* [11. С. 50].

– *Нет, так не годится, уважаемый, – сказал кельнер. – В это время нельзя занимать места* [12. С. 38].

Приказы, как правило, отдаются при помощи перформативного глагола *приказывать* (19) или *инфинитива* (20, 21) в русском языке и перформативного глагола *befehlen* (*den dienstlichen Befehl geben*) (19), модального глагола *sollen* (20), а также при помощи страдательного залога (21) в немецком языке:

(19) *Bebra: So gebe ich Ihnen also, Obergefreiter Lankes, den dienstlichen Befehl, ein Rosinenbrot mit französischer Mirabellenkonfitüre, ein weichgekochtes dänisches Ei... zu sich zu nehmen!* [14. С. 403].

Бэбра: Итак, обер-ефрейтор Ланкес, я приказываю вам употребить в пищу хлебец с изюмом, намазанный французским джемом из мирабели, датское яйцо всмятку... [15. С. 373].

(20) *Herzog: Sie sollen sich hinter Ihr MG klemmen, Obergefreiter Lankes!* [14. С. 406].

Херцог: Обер-ефрейтор Ланкес! Вам давно уже пора нажать гашетку! [15. С. 375].

(21) *Herzog: Sofort wird der Strand geräumt, verstanden!* [14. С. 406].

Херцог: Чтоб немедленно очистить берег, ясно? [15. С. 375].

Нередко приказы, используемые адресантом в бытовой сфере, можно спутать с требованием, поэтому в нарративном режиме авторы предваряют прямую речь героя перформативными глаголами *приказать* или *скомандовать* (22):

(22) *War Greff jedoch alleine, konnte er nervös streng ... Befehle erteilen: «Lass das Buch liegen, Oskar!...»* [14. С. 95].

Когда же Грефф был один, он мог... сердито скомандовать:

– *Оскар! Оставь книгу в покое!..* [15. С. 107].

Некоторые речевые и неречевые акты при коммуникативном взаимодействии общающихся могут нарушать также неприкосновенность личной территории адресанта, т.е. угрожать негативному лицу говорящего. К подобным актам можно отнести формулы благодарности, оправдательные высказывания, неохотные обещания, вынужденные предложения.

Известно, что выражение благодарности как одна из наиболее частотных стратегий негативной вежливости в немецком коммуникативном поведении в отличие от русского сильно ритуализовано и очень употребительно.

Немцы используют формулы благодарности (23) подобно формулам извинения при малейшем случае, поэтому такой вид коммуникативной угрозы, как выражение благодарности, чаще встречается в речевом общении немецкой лингвокультурной общности. Для русского же обращение к благодарности связано, прежде всего, с необходимостью поблагодарить человека, оказавшего ему реальную услугу:

(23) *«Vielen Dank für den Kaffee, Frau Schubert!» ruft Eddi.*

«Vielen Dank, Frau Schubert! Und schönes Wochenende!» [6. С. 130].

– Премного благодарны за кофе, фрау Шуберт! – кричит Эдди.

– Большое спасибо, фрау Шуберт! Хороших вам выходов! [7. С. 133].

В связи с тем что отношение русских к нарушению личной территории более терпимое, чем у немцев, использование формул благодарности не воспринимается как угроза негативному лицу адресанта в русской культуре.

Наибольший урон негативному лицу адресанта наносят, на наш взгляд, оправдания. Данный вид коммуникативной угрозы сопровождается, как правило, использованием речевых актов извинения, подрывающих имидж адресанта и пренебрегающих, в свою очередь, потребностями позитивного лица говорящего. Речевые акты оправдания (24) реализуются чаще всего в сослагательном наклонении, ср.:

(24) *«Es tut mir so leid», sagt er und schließt die Augen.*

«Es muss dir nicht leid tun», sagt sie.

«Trotzdem», sagt er und legt die Hände um ihren Bauch. «Ich hätte eher schalten müssen, viel eher...» [6. С. 144].

– Мне правда жаль, что так вышло, – говорит он и прикрывает глаза.

– Тебе не о чем жалеть.

– И все-таки... – Он обхватывает ладонями ее живот. – Я должен был раньше сообразить, что к чему, гораздо раньше... [7. С. 148].

Если импозитивы, выраженные в прямой форме, угрожают негативному лицу адресата, то комиссивы представляют собой речевые акты, повреждающие негативное лицо адресанта. К ним относятся неохотные обещания (25) и вынужденные предложения (26):

(25) *«Sie können ihn gern solange probieren, wie Sie wollen. Vielleicht kann ich Sie auch abends zu einer Probefahrt abholen, wenn Ihnen das besser paßt»* [11. С. 74].

– Можете испытывать ее сколько пожелаете. Если вам сейчас некогда, то я могу заехать за вами вечером, и мы совершим пробную поездку [12. С. 66].

(26) *«Ich kann dich von Weihnachten bis Neujahr reinnehmen. Setz dich endlich»* [6. С. 95].

– Я могу взять тебя только на несколько дней, от Рождества до Нового года. Да садись, же, наконец [7. С. 98].

При этом следует отличать вынужденные предложения от прямых, наносящих ущерб негативному лицу адресата, поскольку в этом случае происходит вторжение в личную сферу слушающего, заставляя его чувствовать себя обязанным говорящему.

Таким образом, сопоставительное исследование способов реализации коммуникативных угроз в речевом общении русских и немцев позволяет сделать вывод о том, что при коммуникативном взаимодействии общающиеся часто прибегают к речевым и неречевым актам, угрожающим как позитивному, так и негативному лицу адресата vs. адресанта.

В обеих культурах использование практически всех проанализированных способов коммуникативных угроз можно обнаружить преимущественно в неофициальной обстановке общения среди знакомых и родных. В нейтральных и официальных ситуациях

партнеры по коммуникации чаще обращаются к стратегиям позитивной и негативной вежливости с целью смягчения или избегания актов, наносящих урон имиджу человека. Причем русская культура больше тяготеет к позитивной вежливости, немецкая, напротив, – к негативной, что можно объяснить принадлежностью культур к разным типам. Если Россия относится к коллективистскому типу, в котором сильное влияние имеют традиции общинной жизни, то Германия, так же как и остальные западные страны, принадлежит к индивидуалистическому типу культуры, предполагающему, по мнению Т.В. Лариной, «дистантные отношения между членами общества, что предопределяет такие культурные ценности, как автономия личности (privacy), независимость, невмешательство, недопустимость коммуникативного давления» [19. С. 50].

Несмотря на то что рассмотренные акты, представляющие те или иные способы реализации коммуникативных угроз в речевом общении, встречаются как в русской, так и в немецкой культуре, различия касаются частоты использования данных актов. Так, чрезмерное обращение русских к импозитивам (просьбе, совету, приказу), а также к некоторым комиссивам (обещанию, прямому предложению) объясняется тем, что в русской культуре «коммуникативная неприкосновенность выражена в меньшей степени, коммуникативное воздействие на собеседника не воспринимается как нарушение норм вежливости» [19. С. 50].

Проявление таких доминантных особенностей общения в коммуникативном поведении русской лингвокультурной общности, как общительность, искренность в общении, тематическое разнообразие, стремление высказать свое мнение по обсуждаемому вопросу служит причиной пренебрежительного отношения к сохранению негативного лица адресата. Частотное использование замечаний, критических высказываний, жалоб, разговор на запретные темы в русской культуре ущемляют потребности позитивного лица адресата. Напротив, немецкое коммуникативное поведение характеризуется такими доминантными особенностями общения, как анонимность, сдержанность, скромность, формальная приветливость и вежливость. Немцы чаще используют формулы извинения и благодарности, нанося, тем самым, урон позитивному и негативному лицу адресанта.

Таким образом, в русской коммуникативной культуре больше распространены речевые и неречевые акты, угрожающие позитивному и негативному лицу адресата, в то время как в немецкой культуре чаще ущемляются коммуникативные потребности адресанта.

Исследование способов реализации коммуникативных угроз в речевом общении русских и немцев позволяет понять в определенной степени специфику национально-культурную специфику коммуникативного поведения данных лингвокультурных общностей, а также объяснить использование стратегий позитивной и негативной вежливости в рассматриваемых культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brown P., Levinson S.C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 345 p.
2. *Rathmayr R.* Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Innsbruck, 1996. S. 174–185.
3. *Ларина Т.В.* Вежливость как предмет научного исследования // Коммуникативное поведение. Вып. 17: Вежливость как коммуникативная категория / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2003. С. 10–22.
4. *Земская Е.А.* Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift für slawische Philologie 56. 1997. Bd. 2. С. 271–301.
5. *Газизов Р.А.* Способы реализации лингвистической вежливости в немецкой и русской культурах // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, №1. С. 136–139.
6. *Ingo Schulze.* Simple Storys. Ein Roman aus der ostdeutschen Provinz. 5. Auflage. Berlin: Berlin Verlag, 1998. 303 s.
7. *Инго Шульце.* Simple Storys. Роман из жизни восточногерманской провинции / Пер. с нем. Т. Баскакова. М.: Ад Маргинем, 2003. 320 с.
8. *Max Frisch.* Homo Faber. Ein Bericht. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 222 s.
9. *Фриш М.* Homo Фабер. Роман. Назову себя Гантенбайн. Роман. Солдатская книжка. Повесть: Пер. с нем. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1998. 560 с.
10. *Павловская А.В.* Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей. М.: Изд-во МГУ, 2003. 96 с.
11. *Remarque E.M.* Drei Kameraden. Roman. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. 454 s.
12. *Ремарк Э.М.* Три товарища: Роман / Пер. с нем. Харьков: Фолио; М.: АСТ-ЛТД, 1998. 496 с.
13. *Ратмайр Ренате.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
14. *Günter Grass.* Die Blechtrommel. Roman. 5. Auflage. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1997. 719 s.
15. *Грасс Г.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Жестяной барабан: Роман / Пер. с нем. С.Л. Фридлянд; Сост. Е.А. Кацева. Харьков: Фолио, 1997. 654 с.
16. *Mann H.* Professor Unrat. Roman. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1952. 248 s.
17. *Манн Г.* Учитель Гнус / Пер. с нем. Н. Ман. М.: Худ. лит., 1971. С. 33–195.
18. *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика: Сборник / Пер. с разн. яз.; Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; Общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.
19. *Ларина Т.В.* Межкультурная коммуникация и межкультурная коммуникативная компетенция // Иностранные языки в высшей школе. 2005. № 1. С. 47–51.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 сентября 2009 г.